

материала в летописных сводах, в сводах хронографических и патериках.

Вместе с этим следует отметить, что литературную историю тех или иных повестей, входящих в какой-либо местный „свод“, ни в коем случае нельзя изучать вне общей литературной истории этого свода. Меняется не одна какая-либо повесть, меняется весь „свод“ в целом, в зависимости от задач, которые ставятся в ту или иную эпоху, в той или иной социальной среде сознательно или стихийно, всему своду в целом. Это положение принципиально важно при публикации повестей, и оно вызывает необходимость при научном издании текстов повестей о Николе Заразском публиковать их все — в том числе и те, которые имеют относительно меньшую ценность.

„Свод“ заразских повестей по своему составу весьма разнотипен и неравноценен: местная легенда сочетается в нем с воинской повестью, литературная переработка эпических сказаний — с типичным рассказом о чуде от иконы. Центральная „воинская“ повесть этого заразского „свода“, по единодушному мнению исследователей древней русской литературы, принадлежит к лучшим после Слова о полку Игореве произведениям древней русской литературы. Последняя из повестей этого цикла, наоборот, — одно из самых трафаретных церковных „чудес“.

Различно и время создания отдельных повестей. Центральные „воинские“ части этого цикла в основе своей несомненно принадлежат первой половине XIV в. (об этом я буду говорить в особой работе, посвященной восстановлению архетипа повестей о рязанском разорении), последняя же из повестей относится к середине XVI в.

Точно так же весьма различно и отношение отдельных частей цикла к самой иконе Николы. В Заразске (а впоследствии и в Коломне) были соединены в местный цикл различные по происхождению повести: и те, которые имели узко местное значение, и те, которые имели значение общерусское. Местные интересы сказываются только в церковной части цикла и в самом факте объединения отдельных повестей по „местному“ принципу. Первая повесть и последний рассказ о „коломенском чуде“ прямо посвящены иконе и ее служителям; воинские же повести — лучшие в этом цикле — имеют к этой иконе весьма отдаленное отношение. Они не могли быть созданы при церкви Николы ее служителями; они только были включены в Заразский цикл, переписывались и переделывались в его составе. Именно этим и объясняется то большое общерусское значение этого заразского цикла, которое явственно чувствуется уже в начале XV в. (см. ниже о влиянии этих повестей на московский свод 1418 г.).

Локальный, местный характер цикла повестей о Николе Заразском особенно резко выступает в родословии „служителей“ при церкви Николы, которое читаем во многих списках этого цикла. Это родословие, различно заканчивающееся в различных редакциях цикла, важно также и для определения хронологии отдельных этапов в развитии повестей. Последние